

СВЯТОСЛАВ ЮГАЙ
Родился в 1999 году. Живет в городе Домодедово. По образованию инженер-нефтяник. Работает учителем математики. Член Московского областного союза писателей России. Ученик Дмитрия Воденникова.

НАЧАЛО

* * *

Ты началась с тайги, в последний час стареющего лета.
Я начался от скуки в первый час весны.
Все началось из детства, с трепетной заботы,
из неумения жить счастливо и несчастно.
Цветущие слова во мне с рожденья – удобрение,
на перегноевший снов цветет мой ненасытный мозг.
И он тебя выдумывает в восемь,
чтоб ты сбылась на девятнадцать.

И ты сбываешься, с фисташковым мороженым,
напротив я сбываюсь, с классным пралине.
Да только в восемь я забыл запомнить,
что именно я выдумал во сне.

Ты обещаешь им любить меня до гроба,
ты обещаешь им любить меня сильнее всех,
но не один из нас не цифра и не буква,
и никого из нас нельзя инициалами вперед
вносить и выносить за сахарные скобки.

Но если ты решила нарушать закон живой природы,
не в силах противостоять своей ревнивой женской лжи,
то знай, я видел сон, в котором ты, загаданная в восемь,
у карего мальчишки не сбылась.

А на ладошки снег ложился и не таял,
у выдумки температура никакая.
Мой карий плод возрастал, взрослел
и постарел быстрее меня.
Мне больно было.
Мне
прекрасно.

* * *

Колокол гремит, рождая спесь имен,
сливающихся в юном белокожем море.
Оно несется на меня убийственной волной,
чтоб смыть меня с лица родной земли,
которой я, надеюсь, все еще угоден.

Стою как риф посередине двух времен
и разрезаю лезвием души случившийся поток,
что так потек, когда коснулся сладкой кожи,
в которую с рождения обернули мою речь.

И я живой, в порезах от страданий,
истекаю мукой счастья и любви,
как истекал родными именами тот Титаник,
посередине зимней домодедовской реки.
Возле который мы, не бравшись за руки, смеялись,
над нашей
тонущей
судьбой.

РОЖДЕСТВО

Осознание зрелости пришло с первым вписанным именем
в записку об упокоении.

На Рождество.

Батюшка сказал, что христианин, не читавший Евангелие, – как моряк,
не видевший моря.

Первая исповедь в совершеннолетие
навсегда засядет в моей голове именно ощущением моря.

А я еще и не пью, и поэтому после причастия я запивал просфору водой,
самой вкусной водой на свете.

Первое причастие в совершеннолетие навсегда отрежет меня от юности.
Я продолжаю взрослеть.

* * *

Не известно, чем бы все закончилось в ту ночь,
не пойдя мы на рождественскую службу.
Бог есть, и Бог милосерден к нам,
вот и мы постараемся прожить эту жизнь милосердными.
И счастливыми.

* * *

*...Люби меня таким, каким я есть,
таким-каким-я-нет – меня другие любят.*

Д. В.

Строки, что так заели в моей голове,
мне вещает цифровой человек.
Будучи в нашей постели третьим (но не лишним),
ведь Даше он так понравился,
что следующие тридцать минут вещания
лишним себя чувствовал я,
хотя лишней оказалась она.

Я всегда твердил себе,
что идолопоклонство зло,
и проповедовал то, что исповедовал.
Я всегда твердил, что верлибры
(которых я лично не читал)
зло не меньшее.
По итогу я влюбился в текст цифрового человека.
И в голос его цифровой,
который обласкал мое домашнее задание,
как Галина Ивановна обласкала мой первый стих
лет пятнадцать тому назад.
(Моя бабуля гордилась мной и тогда и сейчас.)

Возможно, я жил свою жизнь.
И весь поэтический путь
для меня лишь причина
попасть на Ваш семинар,
чтобы нагло Вас обозвать:
«Учитель».

Мне меньше на тридцать один, но это пока,
скоро будет меньше на тридцать.
Однако даже в свои двадцать три
мой язык не повернулся сразу назвать Вас Учителем.
Вы родились во мне как Цифровой Человек.
Мне сложно сразу после второго свидания перейти на ты.

Но это все лирика, ведь по сути
Вы уже научили меня говорить
прямо.
А ваша верная публика,
за что ей большое спасибо,
лицом меня, неокрепшего,
ткнула в мои оборзевшие от удачи
изъяны.

Теперь вот пишу Вам без фальши
и буду стараться искренне
себя полюбить настоящего,
сквозь Вашу призму в себя взглядевшись.
И надеяться буду узреть
все то, что мечтал иметь,
и всех тех, кем мечтал я быть.
А остальные пускай меня любят
таким,
каким меня больше
нет.

* * *

Я, увы, слишком рано начать линять,
хотя если мой возраст перевести на кошачий,
то по-кошачьи мне больше года,
и для кошки это нормально.
Теперь-то я понял, что значит
родиться в год кота и кролика.
Это для того было сделано,
чтобы мне было обидно,
что у кота новая шерсть отрастает,
а на голове моей нет.

От обиды часто листаю
в бездушной и тесной,
невидимой глазу сети,
разные темы.
И в историях сохраняю
все то, что в себе мне
кажется максимально ужасным
и невыносимо гадким.
(Ах, Господи, исповедь!)
Если вырвать из рук моих
распароленный телефон,
то он превращается в лезвие,
что распарывает мою ширму,
за которой храню секреты
в историях своих в виде ссылок
про пересадку волос.
(Ах стыдно стыдно!)

Да только я суеверный.
И на мои изрядно
с юных лет поредевшие грядки,
на светлой моей (я надеюсь)
лысеющей голове,

я до ужаса опасаясь
дать высадить инородные
луковицы людей,
которых я даже не знаю.
(Да еще и за сто пятьдесят тыщ!)

На не Ваших семинарах
мне было вежливо велено
избавиться от терминологии
хотя бы в своих текстах.
Я очень рад был бы успеху,
да только от алопеции
избавиться не получается,
и ни один трихолог
не в силах, увы, помочь.

Я поэтому жизнь свою
с ранних лет стараюсь с поэзией
крепко сплести в узелок,
чтобы себя любимого
рифмами утешать.
Ведь для мужчин алопеция –
далеко не худшее,
что с испугом рифмуется на
«...ция».